

Азбука
PREMIUM

А. С. БАЙЕТТ

Ангелы и насекомые

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Б 18

A.S. Byatt
ANGELS AND INSECTS
Copyright © 1992 by A.S. Byatt
All rights reserved

Перевод с английского Михаила Наумова

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

Байетт А. С.

Б 18 Ангелы и насекомые : повести / А. С. Байетт ; пер. с англ. М. Наумова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 384 с. — (Азбука Premium).

ISBN 978-5-389-12576-6

От автора удостоенного Букеровской премии романа «Обладать» и кавалерственной дамы ордена Британской империи — две тонко взаимосвязанные повести о нравах викторианской знати, объединенные под общим названием «Ангелы и насекомые». Это — «возможно, лучшая книга Байетт после „Обладать“» (*Times Literary Supplement*). Искренность чувств сочетается здесь с интеллектуальной игрой, историческая достоверность — с вымыслом. Здесь потерпевший кораблекрушение натуралист пытается найти счастье в семье, где тайные страсти так же непостижимы, как и поведение насекомых, а увлекающиеся спиритизмом последователи шведского мистика Сведенборга и вправду оказываются во власти призрака...

Повесть «Морфо Евгения» послужила режиссеру Филипу Хаасу основой для нашумевшего фильма «Ангелы и насекомые».

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

© М. Наумов, перевод, 2017
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2017
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-12576-6

Посвящается Жан-Луи Шевалье

Морфо Евгения

— Вы должны танцевать, мистер Адамсон, — сказала леди Алабастер, которая устроилась на софе. — Очень мило с вашей стороны, что вы составили мне компанию и принесли лимонаду, но я убеждена, что вам непременно надо танцевать. Наши юные дамы расфуфырились ради вас. Надеюсь, они не зря старались.

— Да, они все просто очаровательны, — ответил Вильям Адамсон, — но я давно не танцевал на балах.

— В джунглях не очень-то потанцуешь, — заявил Эдгар Алабастер.

— Напротив. Там все время танцуют. В дни христианских и языческих праздников танцуют недели напролет. А в глубине материка увлекаются индейскими плясками — танцоры часами прыгают, подражая дятлам и вихляниям броненосцев.

Вильям открыл было рот, чтобы продолжить, но осекся: путешественники, возвратившиеся домой, слишком увлекаются бесконечными монологами, стараясь поделиться своими познаниями.

Леди Алабастер удобнее расположила свои обтянутые черным шелком тела на софе, обитой розовым атласом.

Она не уступала:

— Если вам самому трудно сделать выбор, я попрошу Мэтти подыскать вам хорошенькую партнершу.

Мимо них проносились, кружась, девушки, и наряды их, небесно-голубые, серебристые, лимонные, из газа и тюля, переливались в свете свечей. Небольшой оркестр

из двух скрипок, флейты, фагота и виолончели скрипел, взвизгивал и бухал на галерее. Во фраке, одолженном у Лайонела Алабастера, Вильям Адамсон чувствовал себя немного стесненно, но вполне уверенно. На память ему пришла фиеста на Рио-Манакири. Половинки апельсиновой кожуры, наполненные черепаховым жиром, служили там светильниками. Без сюртука, босоногий, он танцевал с Хизой, хозяйкой фиесты. Ему отвели почетное место за столом по той простой причине, что он был белым. Здесь же из-за своего золотистого, немного желтушного загара он казался смуглым. Высокий, от природы очень худой, после тяжких испытаний на море он походил на покойника. Перед ним в неярком свете под звуки польки мелькали бледнолицые пары, тихонько переговаривавшиеся друг с другом. Наконец музыка стихла, и все, смеясь и хлопая в ладоши, разошлись по сторонам. Трех дочерей Алабастеров, Евгению, Ровену и Эниду, кавалеры подвели к кружку, собравшемуся возле их матушки.

У девушек были светло-золотистые волосы и матовая кожа, большие синие глаза обрамлены светлыми шелковистыми ресницами, которые можно было разглядеть, если на них падал свет. Энида, самая младшая и все еще по-детски пухлая, была одета в ярко-розовое платье из тонкой кисеи, с белыми розетками; головку ее украшал венок из розовых бутонов, сеточка розового цвета поддерживала волосы. Ровена была выше обеих сестер, постоянно смеялась, губы ее были полнее, а румянец ярче, ее волосы, уложенные узлом на затылке, усыпаны жемчужинами и украшены маргаритками. Старшая, Евгения, была в белом тарлатановом платье и шелковой сиреневой нижней юбке; к груди и талии были приколоты букетики фиалок. Она вплела плющ и фиалки в свои гладко причесанные золотистые волосы. У братьев девушек были такие же золотистые кудри и матовая кожа. Вместе они составляли очаровательную однородную группу.

— Бедняжка мистер Адамсон и не подозревал, что в день его приезда мы даем бал, — сказала леди Алабастер. — Ваш отец тотчас послал ему приглашение, как только узнал, что мистер Адамсон провел пятнадцать ужасных дней в Атлантическом океане, ведь его корабль затонул, но ему, слава богу, удалось спастись. Конечно, отцу не терпелось поскорее увидеть образцы фауны, привезенные мистером Адамсоном, и он совсем не думал о намеченном празднике. Так что мистер Адамсон застал у нас страшную суету, а слуги носились по дому сломя голову. По счастью, Лайонел почти одного с ним роста и одолжил ему свой костюм.

— В любом случае я не смог бы появиться сегодня во фраке, — заметил Вильям. — Мои вещи либо сгорели, либо ушли на дно, но и среди них не было парадного платья. Последние два года я прожил в Эге¹, там у меня даже пары ботинок не было.

— Тем не менее, — проговорила беспечно леди Алабастер, — ваши выносливость и сила духа безграничны, и я уверена, их достанет на один танец. Лайонел и Эдгар, извольте исполнить свой долг — ведь дам у нас больше, чем кавалеров. Уж и не знаю, как это выходит, но дам всегда больше.

Вновь заиграла музыка, на этот раз вальс. Вильям поклонился младшей мисс Алабастер и пригласил ее на танец. Она вспыхнула, улыбнулась и приняла приглашение.

— Вы с опаской поглядываете на мои ноги, — заметил Вильям, выводя девушку в круг, — вас страшит, верно, что я неловкий танцор и могу наступить на ваш прелестный башмачок. Постараюсь не причинить вам боли. Приложу все усилия и прошу вас, будьте снисходительны к моей неловкости.

¹ Эга — устаревшее название бразильского города Тефе. (Здесь и далее примеч. перев.)

— Должно быть, вы испытываете странные чувства, — сказала Энида Алабастер, — после стольких лет опасности, лишений и одиночества вам приходится принимать участие в подобного рода увеселении.

— Я восхищен! — возразил Вильям, внимательно следя за движением собственных ног и постепенно набирая уверенность.

В некоторых домах общества в Пара и Манаусе вальс было принято танцевать. Вильям кружил в танце дам с кожей оливковой и бархатно-черной, чья добродетель была сомнительна, а то и вовсе отсутствовала. И сейчас, держа в объятиях это мягкое, молочно-белой, незапятнанной белизны, воздушное и почти неосязаемое создание, он ощутил волнение. Тем не менее ноги его теперь двигались уверенно.

— Вы вальсируете очень умело, — заметила Энида Алабастер.

— По-моему, все же не так умело, как ваш брат, — ответил Вильям.

Эдгар Алабастер танцевал со своей сестрой Евгенией. Эдгар был крупным, мускулистым мужчиной. Его светлые волосы, волнистыми прядями обрамлявшие продолговатое лицо, колыхались в потоках воздуха; держался он очень прямо. Его большие ступни быстро двигались в замысловатых па в унисон с жемчужно-серыми башмачками Евгении, непринужденно и плавно выписывая фигуры вальса. Они танцевали молча. Эдгар с выражением легкой скуки на лице пробегал взглядом по бальному залу. Глаза Евгении были полузакрыты. Брат и сестра кружились, они скользили в танце, они замирали и делали пируэты.

— Мы подолгу танцуем в классной комнате, — заговорила Энида. — Мэтти аккомпанирует на фортепьяно, а мы все танцуем, танцуем. Разумеется, Эдгар предпочитает верховую езду, но он, как и все мы, обожает двигаться. У Лайонела получается хуже. Он не способен целиком

отдаваться танцу. Иногда нам кажется, что мы могли бы танцевать вечно, словно принцессы из сказки.

— Которым удавалось за одну ночь стоптать башмачки.

— И которые, ко всеобщему недоумению, выглядели утром совершенно разбитыми.

— И отказывались выходить замуж, потому что обожали танцевать.

— Кое-кто из наших замужних дам по-прежнему танцует. К примеру, миссис Чипперфилд, та, что в темно-зеленом. Она танцует очень хорошо.

Эдгар и Евгения вернулись на свое место рядом с софой леди Алабастер. Энида продолжала рассказывать Вильяму о своей семье. Когда, делая очередной круг, они приблизились к софе, она сказала:

— До того как случилось несчастье, Евгения танцевала лучше всех.

— Несчастье?

— Она должна была выйти замуж, но капитан Хант, ее жених, внезапно умер. Бедняжка Евгения только-только начала оправляться от ужасного потрясения. По мне, это как овдоветь, не успев выйти замуж. У нас не принято об этом говорить, хотя все, конечно же, всё знают. Не подумайте, что я сплетничаю, но мне кажется, и вам следует знать, поскольку вы останетесь на время у нас.

— Благодарю вас. Вы очень добры. Теперь по неведению я не ляпну какой-нибудь глупости. По-вашему, она согласится танцевать, если я ее приглашу?

— Может быть.

Она согласилась. Она поблагодарила его очень серьезно — ее мягкие губы едва пошевелились, а отсутствующее выражение глубоких глаз — во всяком случае, оно показалось ему таким — ничуть не изменилось, и она протянула ему руки. В его тесных объятиях (ему казалось,

он буквально стиснул ее) она была легче, и воздушнее, и менее порывиста, чем Энида. Она двигалась легко и проворно. С высоты своего роста он видел ее бледное лицо, ее крупные веки, почти прозрачные, так что сквозь кожу просвечивала сеточка жилок, видел окаймлявшие их светлые, золотистые густые ресницы. Через перчатку он чувствовал слабое тепло тонких пальцев, лежащих в его руке. Ее непорочно-белые плечи и бюст окружала кипень тюля и тарлатана, подобно пене морской, породившей Афродиту. Простая нитка белоснежного жемчуга, мерцающая, едва выделялась на белоснежной шее. Ее нагота была гордой и недоступной. Вильям увлекал ее за собой; к стыду своему и изумлению, он ощутил, как его охватывает волнение. Он будто сжался весь под защитой фрака, одолженного у Лайонела, и подумал, будучи прежде всего ученым-натуралистом, что цель танцев и заключалась в том, чтобы пробудить в нем именно это желание, несмотря на целомудренность перчаток, на невинность молодой женщины, которую он держал в объятиях. Он вспомнил, как во время одной из плясок свингующий круг танцоров, опьяненных пальмовым вином, распался при смене ритма на пары, которые, обнявшись, принялись отплясывать вокруг кого-то, кому не досталось партнера. Он припомнил, как темногрудые женщины, блестящие от пота и масла, прижимались и льнули к нему, припомнил их грубые объятия и бесстыдные прикосновения. Видения из далекого, иного мира, казалось, сопровождали каждое его действие, каждый поступок.

— Вы думаете об Амазонке, — промолвила Евгения.

— Вы обладаете даром угадывать чужие мысли?

— Просто мне показалось, что вы где-то далеко. Амазонка ведь тоже далеко отсюда.

— Я думал, какая здесь красота: и архитектура, и молодые женщины в тюле и кружевах. Я смотрел на этот чудный готический свод, который, как говорит мистер

Рёскин¹, подобен первобытной фантазии лесных деревьев, сплетающих кроны в вышине, думал о пальмах, возвышающихся, словно башни в джунглях, о прекрасных бабочках с шелковыми крыльями, что парят на недосыгаемой высоте.

— Как это необычно, наверное, — ответила Евгения. Помолчав, добавила: — Я сделала прекрасное панно, что-то вроде лоскутного одеяла, похожее на цветную вышивку, из образцов, что вы прислали отцу. Я очень осторожно приколола их на бумагу, они столь изысканны — и создается впечатление, что перед вами украшенная бахромой подушка; никакой шелк не сравнится с тончайшими, неуловимыми оттенками их окраски.

— Туземцы были уверены, что мы ловим бабочек, чтобы использовать рисунки на крыльях для набивки ситца. Только так они могли себе объяснить наш интерес к этим насекомым, поскольку бабочек не употребляют в пищу, а те, что кормятся на ядовитых растениях, могут отравить. Причем это наиболее яркие экземпляры, которые парят неторопливо и гордо, как бы предостерегая об опасности, красуясь перед вами. И это, разумеется, самцы; их величелие привлекает невзрачных самочек. В этом индейцы на них похожи: мужчины украшают себя пестрыми перьями, краской разнообразных оттенков, самоцветами. Женщины гораздо неприметнее. У нас же мужчины носят, словно черные тараканы, подобие хитиновых панцирей, а вы, женщины, напоминаете пышно расцветший сад.

— Отец очень расстроился, когда узнал, что вы стали жертвой ужасного кораблекрушения и все потеряли. Ему стало жаль и вас, и себя. Он мечтал пополнить свою коллекцию.

¹ *Рёскин Джон* (1819–1900) — английский писатель, критик и художник, возглавивший возрождение готической архитектуры в викторианской Англии. Оказал большое влияние на художественные вкусы своего времени.

— Мне удалось спасти наиболее редкие и красивые экземпляры. Я хранил их в коробке в изголовье кровати, мне нравилось разглядывать их; и они оказались под рукой, когда стало ясно, что надо покинуть корабль. Спасать мертвую бабочку — в этом есть что-то трогательное. Впрочем, одна из них очень редкая; не буду распространяться на эту тему, но уверен, что и ваш отец, и вы рады будете ее получить. Пусть это будет сюрпризом.

— Терпеть не могу, когда мне сообщают о готовящемся сюрпризе, но не хотят рассказать, в чем он заключается.

— Вы не любите неопределенность?

— Не терплю! Всегда хочу знать, что меня ждет. Меня пугает неожиданность.

— Значит, мне следует запомнить: я не должен преподносить вам сюрпризы, — подхватил он, подумав, как глупо прозвучали его слова. Поэтому ее молчание его не удивило.

В ложбинке, где сходились ее округлые груди и началась фиолетовая тень, выделялась ярко-красная родинка размером с небольшого муравья. Под сливочно-белой кожей проступали голубые жилки. Желание снова требовательно шевельнулось в нем, и он показался себе нечистым и опасным. Он проговорил:

— Для меня большая честь, мисс Алабастер, стать членом вашего счастливого семейства, пусть и на время.

При этих словах она взглянула на него, и ее огромные синие глаза распахнулись. Казалось, они светились от невыплаканных слез.

— Я люблю свою семью, мистер Адамсон. Мы счастливы вместе. Мы очень-очень любим друг друга.

— Судьба улыбнулась вам.

— О да, я знаю. Нам улыбнулась судьба.

После десяти лет, что он прожил в лесах Амазонки, и особенно после тех дней, что провел в бреду, дрейфуя на спасательной шлюпке в Атлантическом океане, чистая

и мягкая английская постель стала для Вильяма символом райского отдохновения.

Он пришел к себе далеко за полночь, но худощавая, молчаливая горничная ожидала его, чтобы принести теплой воды и согреть постель; потупив взор, она беззвучно сновала по комнате. В спальне была небольшая оконная ниша, украшенная резьбой, на круглом витражном стекле изображены две белые лилии. В комнате с готическими сводами были вполне современные удобства: кровать красного дерева с резным узором из листьев плюща и ягод падуба, на которой покоились перина, набитая гусиным пухом, и мягкие шерстяные одеяла, а поверх — искусно расшитое тюдоровскими розами белоснежное покрывало. Однако он не спешил забраться в постель, вместо этого поставил на стол свечу и достал дневник.

Он вел дневник много лет. В юности, когда жил в деревне Ротерхем в Йоркшире, каждый день письменно экзаменировал свою совесть. Его отец, богатый мясник и непоколебимый методист, определил сыновей в хорошую местную школу, где они освоили греческий, латынь, основы математики, и требовал, чтобы братья ходили в церковь. Вильям, уже тогда любивший все классифицировать, подметил, что мясники, как правило, люди в теле, шумные и упрямые. У Мартина Адамсона, как и у сына, была грива темных блестящих волос, длинный и крепкий нос и зоркие голубые глаза под прямой линией бровей. Ремесло служило ему источником удовольствия: ему нравилось разделять туши, он наслаждался искусством приготовления колбас и мясных пирогов и умением выполнять ножом более тонкую работу. Образ адского пламени пугал его несказанно, днем мерцая в закоулках воображения, по ночам разгораясь и пожирая его сны. Он продавал первосортную говядину заводчикам и владельцам шахт, а шейную часть и потроха — шахтерам и фабричным рабочим. Возлагая большие надежды на будущее

Вильяма, тем не менее ни к чему конкретному он его не склонял, лишь бы его профессия была хорошей и с перспективой роста.

Вильям вырабатывал наблюдательность на дворе фермы и на бойне, где пол был покрыт пропитанными кровью опилками. Для призвания, которое он наконец для себя определил, отцовские навыки оказались неоценимы: Вильям научился отменно обдирать, препарировать и коллекционировать экземпляры птиц, зверей и насекомых. Он анатомировал муравьедов, кузнечиков, муравьев с отцовской тщательностью, правда в микроскопическом масштабе. Дневники дней, что он провел на ферме и на бойне, отражали его стремление стать великим и самобичевание за грехи — за гордыню, недостаточное смирение, самомнение, медлительность и нерешительность на пути к величию. Он попробовал свои силы в школе и управляющим в цехе чесальщиков шерсти, но о своих успехах на этом поприще писал с горечью: он был хорошим учителем латыни и видел, что вызывало затруднения у учеников; способный управляющий, он быстро находил лодырей и прогульщиков, а если надо было, мог быстро помочь, но его дарования, что бы они собой ни представляли, не проявлялись; он топтался на месте, а намеревался пойти далеко. Он не смог бы сейчас перечитать эти дневники, полные навязчивых, мучительных мыслей, жалоб на то, что ему не хватает воздуха, самобичевания, но он хранил их в одном из банков как часть отчета, отчета детального, о развитии ума и характера Вильяма Адамсона, который все еще не оставил надежды стать великим человеком.

Тон записей изменился, когда он занялся коллекционированием. Он предпринимал теперь долгие прогулки по сельской местности (в той части Йоркшира, где он жил, поля и красивейшая пустошь соседствовали с тем-

ными, грязными уголками) и первое время был охвачен религиозным экстазом, который соединялся с преклонением перед поэзией Вордсворта; он искал знаки Божественной любви и порядка в каждой цветущей былинке, в журчащем ручье, в изменчивых облаках. Позже он стал брать с собой коробку, в которой относил растения домой, где их высушивал и с помощью «Энциклопедии растений» Лудона¹ классифицировал. Он находил представителей крестоцветных, зонтичных, губоцветных, розоцветных, бобовых, сложноцветных и великое множество их разновидностей, сменяющих друг друга в зависимости от места произрастания и климата, затемняя и размывая строгую упорядоченность ветвей классификации. Одно время в его дневнике стали появляться записи о чуде Божьего промысла, и незаметно для себя он перестал копаться в себе и перешел к описанию венчиков, форм листовых пластинок, живых изгородей, болот и заросших берегов. Впервые его дневник наполнился радостью обретенной цели. Тогда же он принялся собирать насекомых и был поражен, обнаружив на нескольких квадратных милях поросшей вереском пустоши сотни разных видов жуков. Частенько наведываясь на бойню, он подмечал, где предпочитают откладывать яйца мясные мухи, описывал, как двигаются и питаются их личинки, как кишит и плодится вся эта неорганизованная с виду масса, движимая каким-то упорядочивающим началом. Казалось, мир изменился: вырос и стал ярче; зеленые, голубые и серые акварельные краски уступили место яркому, режущему глаз узору из тонких линий и разлетающихся точек, блестящих черных и малиновых пятен и полосок, радужно-изумрудных, темно-коричневых, как жженный сахар, и влажно-серебристых.

¹ *Лудон Джон* (1783–1843) — шотландский архитектор и садовод; им был написан ряд работ по садоводству, парководству и малым архитектурным формам.

Позже он понял, что его главная страсть — общественные насекомые. Он рассматривал правильные ячейки сот в ульях, наблюдал за цепочками муравьев, которые общались при помощи тонких усиков и всем скопом перетаскивали крылья бабочки и кусочки клубничной мякоти. Подобно глупому великану, он стоял и смотрел, как эти непостижимые создания, проявляя недюжинный ум, созидают и разрушают в трещинах брусчатки у него под ногами. Вот он, ключ к пониманию мира. Он посвятил целые страницы дневника наблюдению над муравьями. Тогда, в 1847-м, ему было 22 года. В том же году в роттерхемской школе механики он познакомился с энтомологом-любителем, и тот показал ему в журнале «Зоолог» статьи Генри Уолтера Бейтса¹, где, в частности, шла речь об отряде жесткокрылых. Он написал Бейтсу, изложив собственные наблюдения над муравьиными сообществами, и получил благосклонный ответ; Бейтс советовал ему работать и далее, добавив, что «с другом и коллегой Альфредом Уоллесом² задумал экспедицию в амазонские джунгли в поисках неведомых доселе животных». Вильям уже был знаком с отчетами Гумбольдта³ и В. Г. Эдвардса, красочно описавшими буйство амазонской флоры,

¹ *Бейтс* (Бэтс) *Уолтер* (1825–1892) — английский естествоиспытатель, энтомолог, который в 1862 г. дал объяснение поразительному сходству окраски некоторых бразильских лесных бабочек, принадлежащих к разным семействам. Он показал, что птицы избегают склеивать ядовитых или неприятных на вкус бабочек, распознавая их по специфической окраске, и что существуют съедобные виды, маскирующиеся под несъедобные. Таким образом, Бейтс стал первооткрывателем мимикрии в природе. Указанный вид мимикрии назван в его честь мимикрией Бейтса.

² *Уоллес Альфред* (1823–1913) — английский естествоиспытатель, независимо от Ч. Дарвина разработавший в 1858 г. эволюционную теорию, в которой движущей силой эволюции выступал естественный отбор.

³ *Гумбольдт Александр фон* (1769–1859) — немецкий путешественник, натуралист. Гумбольдт внес большой вклад в развитие физической географии и биогеографии. В 1799–1804 гг. участвовал в экспедиции по Южной Америке.

игривых и неунывающих носух, агути, ленивцев; кричаще оперенных трогонов, момотов, дятлов, дроздов, попугаев, манакитов и бабочек «величиной с ладонь, насыщенной металлической синевы». Неизведанные леса, покрывающие миллионы квадратных миль, способны принять в свои сияющие девственные глубины, кроме Уоллеса и Бейтса, еще одного английского энтомолога. Там ему встретятся новые виды муравьев, которые, не исключено, будут названы в его честь *adamsonii*, там будет где вернуться сыну мясника на его пути к величию.

Восторженные, фантастические мечты перемежались теперь в его записях со сметами затрат на оборудование, на ящики для образцов, с названиями кораблей и полезными адресами. Вильям покинул Англию годом позже Уоллеса и Бейтса — в 1849 году, а вернулся в 1859-м. Бейтс дал ему адрес своего коммерческого агента Сэмюэла Стивенса, который получал и продавал собранные натуралистами образцы. Он-то и рассказал о Вильяме преподобному Гаральду Алабастеру, который лишь по смерти своего бездетного брата в 1848 году унаследовал титул баронета и особняк в готическом стиле. Страстный коллекционер, Алабастер писал своему новому другу, которого никогда не видел, длинные письма, достигавшие адресата спустя долгое время; его одинаково интересовали как верования аборигенов, так и повадки бражника и муравья зойба. Вильям отвечал тоном выдающегося натуралиста, забравшегося в глушь, куда до него не ступала нога человека, приправляя письма милым самоуничижительным юмором. В письме, которое Вильям получил через год после того, как оно было отправлено, Гаральд Алабастер поведал ему о жестоком пожаре на судне Уоллеса в 1852 году. Перспектива, что на обратном пути еще один натуралист может потерпеть крушение, почему-то представлялась Вильяму маловероятной, — как оказалось, напрасно. Бриг «Флер-де-Ли» был прогнившим негодным судном, и Вильям не застраховал на случай гибели свою коллекцию. Как всякий человек, избежавший

Содержание

МОРФО ЕВГЕНИЯ	7
АНГЕЛ СУПРУЖЕСТВА	213

Литературно-художественное издание

А. С. БАЙЕТТ

АНГЕЛЫ И НАСЕКОМЫЕ

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректор Ирина Киселева

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 19.12.2016. Формат издания 84 × 108^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 20,16. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®

119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах

на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

YAUM2061001R